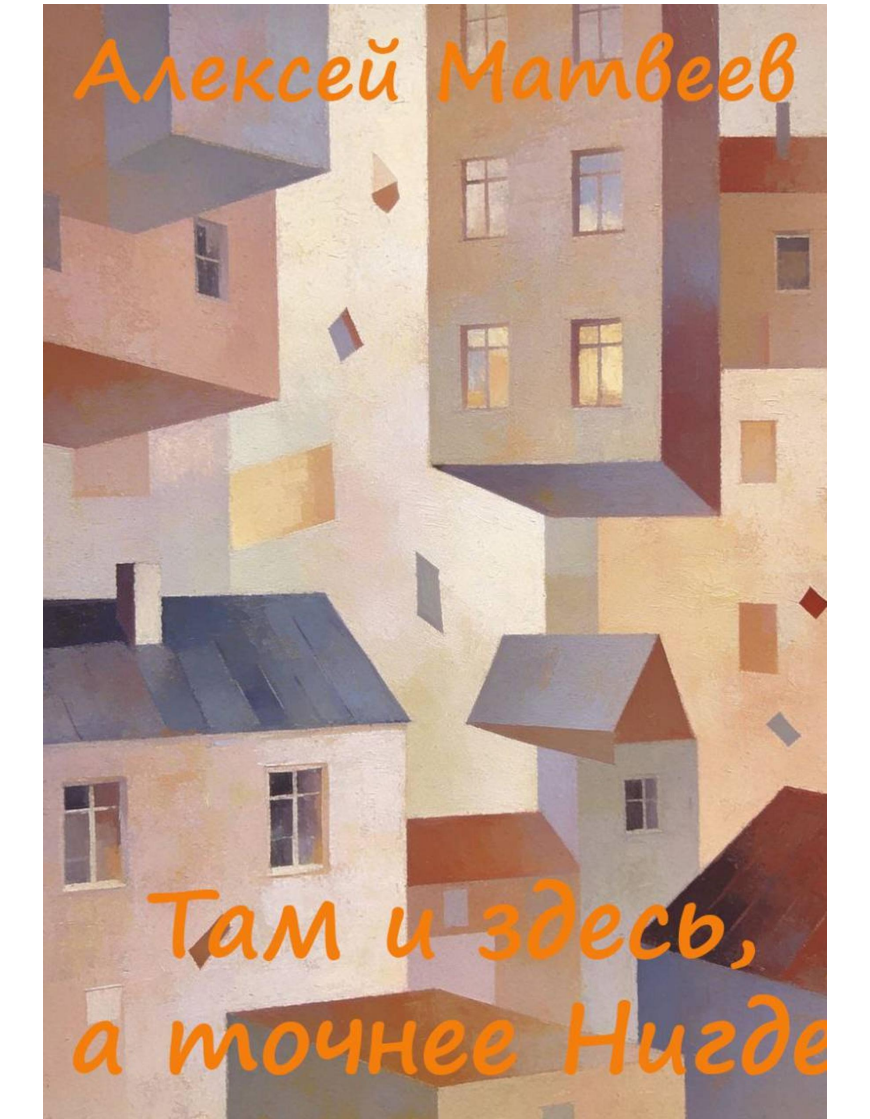

An abstract painting depicting a cityscape. The composition is filled with various geometric shapes representing buildings, some of which appear to be floating or stacked in a non-Euclidean manner. The color palette is dominated by warm, earthy tones such as ochre, beige, and light brown, with occasional cooler shades of blue and grey. Several rectangular windows are visible, some of which are illuminated from within, casting a warm yellow glow. Small, dark, geometric shapes like triangles and squares are scattered throughout the scene, adding to the abstract quality. The overall effect is one of a dreamlike, architectural space.

Алексей Матвеев

Там и здесь,
а точнее Нигде

Алексей Матвеев
Там и здесь, а точнее Нигде

<https://litres.ru/74093606>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о том, что для всего может найтись место и время, даже если ни того, ни другого нет.

Фантастика или скорее фантазия с юмором и выходом за рамки практически всего, из чего хотелось бы выйти, но не очень далеко...

Книга, чтобы расслабиться и неспеша двигаться по её течению вместе с главным героем...

Страшно не будет...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Матвеев

Там и здесь, а точнее Нигде

Глава

– Вчера из зоопарка Сингапура две гориллы пытались совершить побег. Они ухитрились перекинуть лианы через забор, ограждавший их вольер, и взобрались по ним практически до самого верха, но в последний момент их подвела жадность. Когда они были уже почти на свободе, одна из них заметила лежавший на земле одинокий банан и не устояла перед искушением на прощанье отведать казённой пищи. Вторая тут же последовала за ней, догнала и попыталась его отобрать. Завязалась драка. На шум сбежались сотрудники зоопарка, которым с большим трудом удалось разнять дерущихся приматов. Естественно, что после этого инцидента, ни о каком побеге речи идти уже не могло. Разъярённых горилл заперли по разным клеткам, где им оставалось только зализывать раны и злиться на самих себя.

Пока диктор произносил этот текст, на экране телевизора по очереди появлялись, то одна горилла, забившаяся в тёмный угол и прятавшая от видеокамер своё лицо, то другая, сидящая на самом краю клетки, вцепившись в железные прутья мохнатыми лапами и хмуро исподлобья смотрящая пря-

мо в объектив.

Диктор за кадром сочувственно вздохнул.

– Да, свобода была так близко, но теперь им, как говорится, век свободы не видеть.

Сюжет закончился и вместо горилл на экране возник улыбающийся ведущий Антон Горностаев.

– Вот так, всегда и бывает, – начал он. – Тебе выпадает единственный шанс что-то изменить в своей жизни, и ты полон решимости им воспользоваться, но тут на пути появляется банан, или просто кожура от него. Ты на ней поскальзываешься и всё – открытый перелом.

Заиграла приятная музыка, и по экрану поползла карта страны с названиями городов и цифрами температуры напротив каждого из них.

Коля отхлебнул кофе и посмотрел на часы. Он опаздывал на работу всего минут на сорок, а значит, торопиться было некуда и можно было спокойно закончить завтрак.

«А может, вообще туда не ходить»? – Промелькнула соблазнительная мысль. – «Наверняка никто и не заметит, что меня нет. Посмотрю спокойно телевизор или схожу в кино».

Сразу после погоды начался сюжет про Австралию. Там творилось что-то совершенно несуразное. В то время, когда одна половина материка сгорала в пожаре, вызванном небывалой жарой и засухой, другая норовила вот-вот уйти под воду из-за невиданного наводнения.

– Вот бы наклонить эту Австралию так, чтобы вода с од-

ной её половины перелилась на другую, – прокомментировал происходящее Горностаев. – Жаль только, что сделать это не так-то просто.

Коля пожал плечами, как бы соглашаясь с ним. Действительно, наклонить целый материк дело нелёгкое.

Он допил уже остывший кофе и переключился на другой канал.

От обилия информации, хлынувшей на него, у Коли сразу же зарябило в глазах. Тут было всё. И три бегущие строки с последними новостями в самом низу экрана, и курсы валют, и даже часы, показывающие по очереди время во всех часовых поясах мира.

Двое ведущих о чём-то непринуждённо беседовали друг с другом, но из их речи можно было понять только то, что какие-то индексы постоянно куда-то падали, и это наводило на невесёлые мысли о серьёзных проблемах давно уже наметившихся в работе почтовой службы.

Видимо, этот канал был создан специально для тайно захвативших землю шестиглазых пауков, способных с лёгкостью воспринять всю эту информацию за завтраком, одновременно мешая сахар в чашке кофе и намазывая бутерброд маслом. Для Коли же, который ещё не окончательно проснулся, это было чересчур сложно.

– Вот теперь, точно не пойду на работу, – вслух сказал он и переключился обратно.

– Восемьдесят процентов опрошенных по этому вопросу

придерживаются того же мнения, – радостно сообщил Антон Горностаев. – Пятнадцать процентов считают это вредной привычкой, с которой надо бороться всеми возможными способами. Четыре с половиной процента не так давно от неё избавились и теперь чувствуют себя гораздо лучше. И только оставшиеся полпроцента всех опрошенных признались, что наслаждаются ею и бросать не собираются.

– Как видите, – продолжил ведущий, – факты говорят сами за себя. Люди теперь, и особенно молодёжь, выбирают здоровый образ жизни.

Коля посмотрел на часы, вздохнул и пошёл собираться.

– Может, хоть пробок сегодня не будет, тогда опоздаю всего на час, – подбодрил он сам себя.

– А теперь, немного о фантастике, – тут же откликнулся Горностаев. – Мало кто знает, что знаменитый фильм «Звёздные войны» первоначально задумывался всего лишь, как рекламный ролик известного лимонада, в котором жестяные банки, замаскированные под космические корабли, должны были лихо бороздить просторы вселенной, периодически постреливая друг в друга разноцветными струями этого шипучего напитка. Но вышло так, что бюджет, выделенный фирмой-производителем на создание ролика, оказался столь велик, что его хватило на целую эпопею!

Коля отправился в комнату искать достойную пару, найденному под столом носку, а вслед ему донеслось.

– К сожалению, наша программа подошла к концу. Я же-

лаю всем хорошего настроения и отличных выходных. Мы с вами встретимся, как всегда в понедельник в это же время на нашем канале. Всего вам доброго.

«Хорошо, что завтра выходной!»! – Подумал он.

Была пятница и после работы, Коля с друзьями отправился в спорт-бар (в самом этом словосочетании было заключено некое противоречие), пропустить по кружечке пива и посмотреть футбол на большом экране. Не то, чтобы сам он сильно любил эту игру, но все его коллеги были ярыми болельщиками, а прослыть белой вороной ему не хотелось. Поэтому он выучил название команды, за которую они болели, и фамилии основных игроков.

Понять, почему футбол вызывал у других такую бурю эмоций, он не мог. Вид зелёного поля действовал на него успокаивающе, а рёв стадиона сильно напоминал морской прибой. И даже бодрый голос комментатора не мешал ему периодически впадать в блаженную дрему.

Больше всего его удивляло то, что все так радуются, когда кто-нибудь из игроков забивает гол. Радость игрока была ему понятна. К неплохому окладу тот получал ещё и солидную премию. И пока его товарищи всей командой насакивали на него, стараясь сломать ему хотя бы пару рёбер, он мог спокойно поразмышлять, что часть её можно потратить на покупку ещё одной виллы на Мальдивах, а то, что останется отдать жене, чтобы она, наконец, купила себе новые замшевые сапожки и «Ягуар», соответствующего цвета.

Несомненно, Коля проявил бы к игре гораздо больший интерес, если бы, хоть малюсенькая часть этой премии перепала лично ему. Вместе со всеми он стал бы кричать в телевизор бодрые речёвки и вскакивать с места в благородном порыве, проливая пиво на стол и окружающих. Но, к сожалению, для всего футбольного мира, терявшего в его лице азартнейшего болельщика, его премия не зависела от забитых кем-то голов, а зависела она от множества совершенно неопределённых факторов, найти разумное объяснение которым, не удалось бы, ни одному специалисту по случайным числам и теории вероятности.

В связи с этим, Коля предпочитал тихо посасывать пиво где-нибудь с краю, не проявляя излишнего энтузиазма по поводу игры и лишь иногда обмениваясь многозначительными взглядами с друзьями.

В тот вечер команда, за которую они болели, в очередной раз проиграла. Послематчевые дебаты, как всегда, начались с банального предположения о том, что судья был подкуплен, а закончились единогласным признанием тренера команды соперников колдуном вуду.

Когда они вышли из бара, на улице было уже темно. Попрощавшись с друзьями, Коля некоторое время простоял посреди дороги в тяжёлых раздумьях о судьбе отечественного футбола.

Выйти из этого блаженного состояния, чем-то похожего на полную отрешённость опытных йогов, ему помог обыч-

ный фонарный столб, о который, слегка пошатнувшись, он стукнулся головой. Эта небольшая встряска вернула его к реальности и позволила сфокусироваться на зелёных цифрах электронных часов, горевших на одном из зданий неподалёку. Определив, что на метро он ещё успевает, Коля взял курс и вскоре уже спускался по широким ступеням подземного перехода.

Жетон в кармане пальто нашёлся на удивление быстро, но лезть в маленькую щель турникета он упорно не желал. Запихать его туда Коле удалось лишь с десятой попытки. Раз за разом он ронял его на пол, а один раз в отчаянии даже пнул ногой бессердечный автомат, не способный понять те чувства, которые овладевают человеком в пятницу вечером.

Уже после того, как турникет был побеждён, он неожиданно вспомнил историю про Дона Кихота и мельницу.

«И почему его считали сумасшедшим»? – Думал он, стоя на эскалаторе и держась двумя руками за бегущий поручень. – «В мире есть столько гораздо более ужасных вещей, чем мельницы, с которыми почему-то никому и в голову не приходит бороться».

На платформе, было чересчур безлюдно даже для столь позднего времени. В дальнем её конце расположилась группа людей в защитном камуфляже. Они разливали по пластиковым стаканчикам водку и чокались с цыганками, одетыми в туркменские халаты.

Кроме них на платформе был ещё всего один человек. Он

спал, сидя на полу, прислонившись спиной к мраморной колонне и вытянув ноги вперёд. Одна его рука безвольно упала на гранитный пол, и под зажатой в ней бутылкой портвейна чернела засохшая лужа.

Подойдя к ограничительной линии, Коля, как в школе на линейке, выровнял по ней носки и, слегка наклонившись вперёд, посмотрел вправо и влево. Поезда видно не было, и горел красный сигнал светофора.

«Похоже, что только ушёл», – подумал он.

На другом конце станции раздался взрыв смеха. Коля посмотрел в ту сторону и увидел странную картину. Мужчины в камуфляже соскочили с платформы на рельсы и оттуда галантно подавали руки цыганкам, приглашая их сделать тоже самое. Цыганки заливисто смеялись и, прыгая к своим кавалерам, громко звенели монистами. Не переставая хохотать, они направились прямо в туннель и довольно быстро скрылись за поворотом.

Коля встряхнул головой, пытаясь осознать происходящее.

«Так не бывает», – подумал он.

«А может, бывает». – Тут же мелькнула другая мысль. – «Ведь надо же им где-то ночевать».

«Хорошо бы посмотреть, куда это они направились».

Последняя мысль вряд ли была разумной, но она так взбудоражила его кровь, что противиться ей он был не в состоянии.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что кроме него

и спящего у колонны человека на платформе всё так же никого не было, Коля спрыгнул вниз и, пригибаясь, побежал вдоль рельс. Пробегая мимо светофора, он увидел, что тот переключился и стал зелёным.

«Что-то мне всё это не нравится», – подумал он, но назад не повернул.

Отбежав уже довольно далеко, он услышал за спиной сильно приглушённый голос дежурной по станции.

– На прибывающий поезд посадки нет!

«Только этого не хватало». – Пронеслось у него в голове.

За спиной послышался еле слышный гул.

«Надо срочно что-то делать». – Его мозг начал судорожно искать выход из создавшегося положения. – «Куда же подевались эти пройдохи? Только бы их найти, и тогда всё будет в порядке».

Гул становился всё громче.

Коля побежал по тёмному тоннелю, вглядываясь в полукруглые ребристые стены, но ничего похожего на дверь, за которой они могли бы спрятаться, видно не было.

У себя за спиной он слышал уже не лёгкий шум, а страшный грохот и, боясь обернуться назад, нёсся вперёд, что было сил. Вдруг, где-то совсем близко раздался резкий свисток, в ту же секунду он увидел в стене пустую нишу, как раз в человеческий рост. Она была совсем не глубокой, но оказалась ему просторной, словно пентхаус в центре Москвы.

Нырнув в неё, он плотно прижался спиной к стене. Его

сердце билось внутри грудной клетки с остервенением только, что пойманной птицы.

Пытаясь его утихомирить, он с удивлением смотрел на медленно проползающий мимо него состав, состоящий всего из двух вагонов. Во втором вагоне, как ни странно, обнаружили всё те же мужчины в камуфляже и цыганки. Они смеялись, и, похоже, что смеялись над ним. Цыганки, не смущаясь, тыкали пальцами в его сторону и, видимо, отпускали остроты.

Когда поезд проехал, Коля, чуть-чуть отдышавшись, выскочил на рельсы и побежал вслед за ним. Но как бы медленно тот не двигался, догнать его оказалось совершенно невозможно. Пробежав совсем немного и увидев, что эта погоня обречена на провал, он почувствовал страшный упадок сил, и тут же споткнувшись о шпалу, упал. Лёжа на рельсах, он внезапно осознал всю глупость своей выходки. Сил, чтобы встать у него уже не было, да и желания тоже. Он только с трудом поднял голову и проводил взглядом удаляющийся состав.

В заднем окне вагона появилась одна из цыганок. Она помахала ему платком, а потом, всё так же смеясь, указала на что-то за его спиной.

Впереди была развилка. Поезд нырнул в левый тоннель и почти сразу исчез из вида.

Обернувшись в указанную цыганкой сторону, Коля увидел то, что на самом деле создавало гул, который он сначала

принял за шум поезда.

Со страшным рёвом, ударяясь о стенки тоннеля, на него летел бурлящий водный поток, во главе которого, словно пасть дикого зверя, брызгая пеной, вздымалась огромная волна. На мгновение ему показалось, что эта пасть раскрылась над ним и застыла, давая ему возможность осознать всю его беспомощность и отчаяние. Он дико огляделся в поисках ещё одной спасительной ниши, но даже если бы она и нашлась, добежать до неё времени уже не оставалось.

Вода обрушилась на него, подхватила и понесла по тоннелю. Поначалу Коля пытался с ней бороться. Он отчаянно дрыгал руками и ногами, но очень скоро силы его иссякли.

«Будь, что будет», – подумал он.

А потом, что-то ударило его по голове, и он потерял сознание.

Коля плыл по реке на надувном матрасе, лёжа на спине. Над его головой медленно проползали ветки деревьев, склонившихся над водой. Он думал, что сейчас, наверное, очень похож на ёжика в тумане, и трёхдневная небритость должна была только добавлять сходства.

Луна неподвижно висела над ним. Иногда облака, словно большие хищные звери заглатывали её желтый диск, но почти сразу отпускали его и быстро уносились прочь, как будто ища добычу пожирнее. Один раз над ним пролетела летучая мышь.

– Вот было бы здорово, если бы летучие мыши... – Додумать свою мысль он не успел. Луна исчезла, и вместо неё перед самым его носом возникла огромная драконья морда с потухшей папиросой в зубах.

– Прикурить не найдется? – Морда вежливо улыбнулась.

Коля порылся в карманах и достал зажигалку. Он несколько раз чиркнул ею, но безрезультатно.

Дракон ослабился. Он вынул папиросу изо рта, дунул на нее тоненькой струйкой огня и вставил обратно между кривых острых зубов. Выпустив кольцо дыма, он неожиданно предложил.

– А, может по пивку? Тут недалеко есть одно чудесное местечко. Могу показать.

«Почему бы и нет», – подумал Коля. – «Куда принесет река еще неизвестно, а тут говорящий дракон предлагает выпить пива. Выглядит заманчиво».

Он был уверен, что думал про себя, но оказалось, что дракон его прекрасно понял и улыбнулся ещё шире.

– Ну, раз ты не против, тогда пошли.

Дракон повернулся к Коле спиной и, тяжело переваливаясь с лапы на лапу, полез вверх по обрывистому берегу реки.

Пытаясь слезть с матраса, не замочив ног, Коля искупался в воде по пояс. И, хотя она оказалась на удивление тёплой, ему всё равно было ужасно неприятно.

Увидев это, дракон лишь ехидно усмехнулся.

Почти сразу за обрывом начались густые заросли каких-то

ужасно колючих растений. Простому человеку без специального снаряжения ни за что не удалось бы их преодолеть, а для дракона это оказалось парой пустяков. Он шёл впереди, как ледокол, рассекая своим бронированным брюхом стену из хитро переплетённых колючек и, казалось, не испытывал при этом никаких неудобств.

Больше половины пути сквозь колючую чащу, Коля проделал с закрытыми глазами, боясь, что какая-нибудь ветка ударит его по лицу, и лишь иногда поглядывая вперёд. Поэтому в очередной раз, открыв их, он был приятно удивлён, обнаружив, что стоит посреди песчаной дороги. С одной стороны её огораживала колючая стена, сквозь которую они только, что прорвались, а с другой было огромное поле, заросшее высокой тёмной травой.

Дракону эта прогулка пошла явно на пользу. Колючки, как наждачная бумага отчистили от пыли и отшлифовали его прочную рыжую чешую.

Колины же дела обстояли гораздо хуже. Его локти стали красные от ссадин, а одежда превратилась в лохмотья и требовала признания за ней первой группы инвалидности без права продолжения трудовой деятельности.

Взглянув на него, дракон расплылся в мерзкой улыбке, но, вдруг, некая мысль промелькнула в его глазах и заставила помрачнеть.

– Где это ты так ободрался? – Спросил он с досадой.

– А, ты как думаешь? – Вызывающе бросил Коля.

– Я не знаю. Шли спокойно лесом...

– Какой же это лес? Это же заросли колючей проволоки. Хорошо, что, хоть, не под напряжением.

– Так тут никто не напрягается, – беззаботно сказал дракон. – И ты расслабься. Дыши свежим воздухом, любуйся пейзажем.

– Это всё из-за тебя, – обиженно проворчал Коля. – Я городской житель, и бороться с живой природой, а тем более побеждать её, мне приходится не часто. Для этого существуют специальные машины, которые всё, что можно подравняют, а остальное заасфальтируют.

Он косо посмотрел на дракона.

– И вообще, тебе легко говорить «расслабься», вон какую шкуру отрастил...

– Хватит болтать, – оборвал его дракон. – Пора решать проблемы.

– Какие проблемы? – Удивился Коля.

– Теперь у нас их две, одна у меня и одна у тебя. Моя проблема заключается в том, что в то место, о котором я тебе говорил, меня без тебя не пустят, а тебя туда не пустят в этом рваньё.

Заметив недоуменный Колин взгляд, он решил, что пора кое-что прояснить.

– Думаешь, зачем я тебя за собой тащил? Из большой любви к ближнему, что ли, которому заняться больше не чем кроме, как сплавляться по реке на надувном матрасе? Кста-

ти, там впереди был водопад так, что скажи ещё спасибо, что я тебя заметил.

– Спасибо, – сказал Коля и с сомнением добавил. – Наверное.

– Так-то лучше, – хмыкнул дракон. – В общем, теперь ты мой должник и просто обязан мне помочь.

– А причём тут я?

– Притом. Чтобы войти в бар, надо иметь билет. И сегодня этим билетом для меня будешь ты.

– Как это?

– Потом расскажу. Сейчас это не важно. Важно то, что тебя надо приодеть, и сделать это надо, как можно быстрее.

– Тут я с тобой полностью согласен. Ходить в таком виде мне тоже не хочется.

Внезапно Колю охватила нешуточная паника. Он, вдруг, понял, что разговаривает с сумасшедшим. А, так как никогда раньше он не имел дел с сумасшедшими, а тем более с сумасшедшими драконами, то, по его мнению, совершенно логично было испугаться, что он и сделал. Проверив, что руки и ноги у него дрожат достаточно сильно, он начал вспоминать, как следует себя вести в подобных ситуациях.

Толи из книг, толи ещё откуда-то он знал, что спорить с сумасшедшими бесполезно, к тому же не стоит подходить к ним слишком близко. Говорить надо спокойно и самое главное не делать резких движений, чтобы случайно не спровоцировать их на агрессивные действия.

Ползком, словно вражеский шпион в мирно дремлющий лагерь в его голову закралась мысль, что может быть свихнулся он сам, и всё это ему только кажется, но он сразу отмёл её, как совершенно необоснованную.

«Подумаешь», – рассудил он, – «поговорил немного с драконом. Это ещё не повод записывать себя в психи. Я же не считаю драконом себя, а это уже не плохо. И даже, если всё это мне просто кажется, то это максимум белая горячка, но никак не шизофрения».

Убедив себя, таким образом, в своей нормальности, он решил пойти единственным, как ему казалось, разумным путём. А именно во всём соглашаться с больным и делать вид, что всё, что тот говорит ему крайне интересно. Главное понять, опасен он или нет.

Выяснить это оказалось совсем не сложно.

– И какая же у нас вторая проблема? – Как можно более мягким голосом спросил Коля.

– Не у нас, а у вас, – огрызнулся дракон. – Если мы не попадем в бар, я буду крайне огорчён, и чтобы как-то утешиться, мне придётся тебя съесть. Ты же мне будешь больше не нужен.

Колины ноги тут же стали ватными, и он едва не рухнул на землю.

– Хорошо, что ты меня так быстро понял. – Удовлетворённо кивнул дракон. – Значит, будем решать проблемы в порядке их очередности. Сам понимаешь, менять порядок

не в твоих интересах.

Возразить на это было нечего. Вопрос об опасности его спутника отпал сам собой, но легче от этого не стало.

Луна уже зашла, а Солнце и не думало подниматься. Птицы перестали щебетать, живот скрутило от голода, и в голове крутились невеселые мысли.

«Вот и прогулялся по свежему воздуху», – думал Коля. – «Больше никогда не буду связываться с незнакомыми драконами. Я-то думал приличный человек... Тьфу, какой же он человек? Звероящер, рептилия хладнокровная. Всю одежду из-за него изорвал, а он еще издевается».

– Кончай шмыгать носом, ещё не все потеряно, – подбодрил его дракон. – Для тебя, кстати, тоже.

– А я и не шмыгал, – гордо ответил Коля и тут же снова шмыгнул. – Ну вот, теперь еще и простудился. А всё из-за тебя.

Он утёр нос рукавом и окончательно расстроился

– Плыл бы себе спокойно по реке, смотрел на Луну, потом свалился бы в водопад и даже не заметил. Всё было бы прекрасно. А вместо этого иду, вот, с тобой, чёрт знает, где и жду, когда ты соизволишь меня съесть. Весь ободранный, мокрый, да ещё и простуженный.

– Подумаешь, горе! – Нахально заявил дракон в ответ. – Твоя простуда – это ерунда. Вот, у меня в прошлом году бабушка заболела, так это был кошмар. Целыми днями она лежала в постели и чихала огнем в разные стороны. Сначала

она спалила занавески, а потом и всю мебель, включая кровать, на которой спала. Я раз двадцать пожарных вызывал, сам весь обгорел. Когда пожарные приехали в последний раз, они заставили её вместе с лекарством проглотить огнетушитель. Так у неё после этого неделю пена изо рта шла. Врач, когда это увидел, решил, что у нее началось бешенство, и давай ей уколы делать. Тычет в неё шприцом, а всё без толку. Пять игл сломал, пока догадался дрель взять.

Дракон резко остановился.

– Кажется, пришли. Сейчас мы из тебя человека будем делать.

– Да, я вроде уже...

– Что уже?

– Человек.

Дракон осмотрел его с ног до головы и настолько презрительно усмехнулся, что Коле стало не по себе.

Впереди была деревня на самом краю, которой стояла покосившаяся одноэтажная постройка с выбитыми окнами и облупившейся дверью. Они направились прямо к ней.

По пути дракон давал Коле инструкции, как себя вести и что делать.

– Слушай внимательно, ничего не перепутай, – начал он. – Это – местный универмаг. – Он показал лапой на ветхое строение. – Сейчас ты в него войдешь и первого, кто тебе попадётся, станешь умолять тебе помочь. Упав на колени и рыдая, объяснишь, что стал жертвой бессмысленной жесто-

кости драконов.

В подтверждение своих слов он оторвал и без того слабо державшийся рукав Колиной рубашки.

– Я в это время буду стоять на улице, и изображать разъяренного зверя.

Сунув оторванный рукав к себе в пасть, он замахал лапами, будто отгоняя мух. При этом он рычал и бешено вращал глазами. Коля смотрел на него с ужасом и отвращением, поэтому был очень рад, когда дракон, закончив демонстрацию, как ни в чём не бывало, продолжил.

– Потом ты расскажешь душераздирающую историю о том, что приехал к любимой тёте, которую не видел уже десять лет. Она лежит при смерти и хочет в последний раз взглянуть на дорогого племянника. Намекнёшь на то, что она богата, а ты единственный близкий родственник, который у нее остался. Естественно, ты не можешь явиться к ней в таком виде и даёшь честное благородное слово, что если какая-нибудь добрая душа поможет тебе с одеждой, ты непременно вернешь долг и даже в двойном размере.

Дракон снова оглядел Колю, разодрал когтями одну штанину и в двух местах подпалил и без того сильно пострадавшую в борьбе с колючками рубашку. Довольный своей работой, он слегка подтолкнул его к входу в универмаг.

– Всё, инструктаж окончен, – сказал он. – Вид у тебя вполне подходящий так, что иди и ничего не бойся, кроме меня. Учти, если ты выйдешь оттуда в своих лохмотьях, я тебя

прямо здесь поджарю и съем. Надеюсь, что эта мысль прибавит тебе энтузиазма.

Дракон подвёл Колю к двери, и любезно приоткрыв её перед ним, втолкнул его внутрь.

Внутри царил полумрак. Никаких обычных для магазина прилавков здесь видно не было. Все товары (а их было не мало, и определить назначение многих из них с первого взгляда не представлялось возможным) были развешаны на стенах, свисали с потолка или просто валялись на полу, покрытом таким толстым слоем пыли, которым не смогла бы похвастаться даже самая древняя египетская пирамида. Шикарные ковры, сотканные от нечего делать трудолюбивыми пауками, украшали стены от пола до потолка. Никем не потревоженные, за долгие годы эти многолапые труженики сумели опутать всё, что было можно, и даже окна едва просвечивали сквозь множество слоёв паутины, наложенных друг на друга.

Коля сделал первые шаги по этому странному магазину, и они чуть было не стоили ему жизни. Не пройдя и пары метров, он споткнулся о шлем огромных размеров с тремя торчащими вверх рогами. Сердце у него ёкнуло и попыталось забиться в пятки. Только страшное усилие воли помогло ему снова взять себя в руки.

Единственный человек, которого он заметил, стоял у дальней стены и не проявлял ни малейшего интереса к посетителю. Несмотря на плохое освещение, легко было дога-

даться, что он огромного роста и к тому же весьма упитанный.

Коля направился к нему осторожно, почти крадучись, смотря себе под ноги и стараясь думать о хорошем. Лишь подойдя совсем близко, он, наконец, решился поднять глаза и посмотреть в лицо хозяину этого унылого заведения.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы впасть в отчаяние. Единственным зрителем спектакля, от которого зависела его жизнь, должен был стать толстяк с огромным обрюзгшим лицом.

Множество мелких и крупных морщин, избороздивших его, выглядели, как трещины на скале, нещадно побитой злыми ветрами и солёными морскими волнами. Казалось, что оно так давно окаменело в выражении полного безразличия ко всему на свете, что изменить его смог бы лишь острый резец в руках искусного скульптора.

Два близко посаженных глаза, не двигались и не моргали, но словно маленькие чёрные дыры засасывали всё, что попадало в их поле зрения, а третий зеленоватый, прищурившись, подозрительно глядел прямо из середины лба.

Огромный рот с толстыми губами, наверняка, смог бы поставить новый мировой рекорд по количеству одновременно поместившихся в нём спичечных коробков, или попасть в книгу рекордов Гиннеса в раздел самый громкий и заунывный зевок. Но вряд ли в последнее время он произносил что-то вроде: «я вас так понимаю», или «не могу ли я вам чем-

нибудь помочь?».

У Коли по спине пробежал озноб, и если бы с улицы не донесся душераздирающий вопль дракона, он бы, наверняка, бросился отсюда наутек. Но этот вопль взбодрил его настолько, что он собрался с силами и начал своё представление.

Поначалу, чувствуя себя не слишком уверенно, он постепенно вошёл в образ и, как ни странно, ощутил некий азарт. Он выкручивал себе руки, закатывал глаза, а один раз, даже рухнул на колени и осыпал голову пылью и мусором, валявшимся здесь в изобилии. От жалоб на свою нелёгкую судьбу он плавно перешёл к проклятьям в адрес дракона, которые выкрикивал, как можно громче, надеясь, что тот услышит их сквозь прогнившие стены.

После очередной неудачной попытки пустить слезу, ясно осознав, насколько бездарен, как актер, он чуть было не разрыдался от жалости к самому себе, но во время, спохватившись, всё же сдержался.

Хозяин магазина смотрел на него совершенно пустыми неподвижными глазами. Казалось, что он вообще не замечает Колиных стараний.

На аплодисменты, похоже, рассчитывать не приходилось.

Покувыркавшись впустую минут пятнадцать и чувствуя, что дальнейшее продолжение этой комедии совершенно бессмысленно, Коля сел на пол и закрыл лицо руками.

«Если здесь нет черного хода, тогда я погиб», – подумал

он. – «Выбрать из двух зол меньшее не так-то просто. Ещё неизвестно, что хуже, остаться жить тут и превратиться в одну из окаменелостей, или выйти на улицу, чтобы быть съеденным малознакомым драконом».

Неожиданно над самым его ухом раздался очень низкий хриплый голос.

– Что, у Брака трубы горят?

Смысл этих слов до Коли дошёл не сразу и не весь.

Он посмотрел на толстяка, склонившегося над ним всё с тем же каменным выражением лица, и недоверчиво переспросил.

– Простите, вы что-то сказали?

– Дракону выпить хочется, а его одного в бар не пускают. Так?

– Да. – Коля ошалело уставился на него. – А вы откуда знаете?

– Он, наверное, и съесть тебя грозился?

– Да, но...

– Не бойся его, он на диете. Ему доктор людей есть запретил. От них холестерин повышается.

– Так вы с ним знакомы?

Колины мысли помчались, словно спринтеры. Толкаясь, и сбивая друг друга, они пытались достичь финишной ленты, за которой настало бы хоть какое-то понимание происходящего, но пока её видно не было, и оставалось только надеяться на то, что она вообще существует.

– Конечно, – добродушно усмехнулся толстяк. – Здесь все друг друга знают.

– А почему, тогда он сам не зашёл?

– Это было бы не по правилам.

– Не по правилам?

– Ну, да. – Толстяк совершил, казалось бы, невозможное, соединив руки на своём огромном животе. – Я ведь должен беспристрастно оценить твоё мастерство. И, чтобы не мешать мне, а заодно не смущать тебя, Брак остался на улице. Впрочем, он всегда так делает.

Вдруг, одна проворная мысль выбралась из общей сумятицы, творившейся в Колиной голове и, лихо рванув вперёд, сорвала финишную ленту, неожиданно, возникшую у неё на пути.

– Так, значит это всё игра, – выпалил он, осенённый догадкой.

– Скорее проверка, – поправил его толстяк. – Но ты можешь называть это, как тебе больше нравится.

Коле не нравилось ни так, ни так, и он посчитал необходимым сообщить ему об этом.

– К сожалению, без этого не обойтись. – Без тени раскаяния произнёс трёхглазый. – Брак почти каждый день приводит сюда кого-нибудь вроде тебя. Нельзя же всех подряд выпускать на сцену. Вот, мы и придумали такое испытание: каждый, кто сюда попадает, должен у меня что-нибудь выпросить.

– И многим это удавалось?

– Пока никому.

Коле стало как-то не по себе. Он чувствовал, что его выставили на посмешище, и, по-видимому, собирались делать это и дальше, но, как и зачем он пока не понимал.

– А ты – молодец, хорошо держался, – похвалил его толстяк. – Конечно, над мимикой надо ещё поработать...

Он слегка наморщил лоб и сложил губы трубочкой, пытаюсь изобразить из себя строгого, но справедливого критика.

– Да и с пластикой тоже не всё пока гладко. Когда руки заламывал, ненатурально было. А вот, текст мне понравился. За душу берёт. Ты ведь не репетировал, экспромтом шпарил?

На мимику Коля слегка обиделся.

«На себя бы посмотрел», – подумал он, но вслух этого не сказал.

– Вообще-то, я говорил первое, что приходило в голову.

– Вот и правильно. Когда играешь на сцене главное, чтоб чувствовалась жизнь. Ты должен заводить публику, и тут заученные монологи помочь не могут. Короче говоря, считай, что кастинг ты прошёл. Поздравляю.

– Спасибо, – поморщившись, выдавил из себя Коля.

– Не за что, – отмахнулся толстяк.

– В общем-то, да.

Коля нарисовал носком ноги на полу смешную рожицу.

– Я одно не могу понять, зачем вам всё это нужно?

– Э-э-э... – протянул толстяк, – ты тут только первый день, а мы всю жизнь здесь живём. Деревня у нас глухая, развлечений никаких. Вот, Брак и носится по округе в поисках артистов.

– Непросто ему, наверно, тут их искать.

– Настоящих, конечно, мало поэтому он тащит всех подряд, кто попадётся. Внешность у него, сам видел, впечатляющая. Он из любого зануды в пять минут Чарли Чаплина может сделать.

Поняв, что ему ничего не угрожает, Коля немного осмелел.

– Выходит, он мне всё врал. И в бар его пускают. А скорее всего ему туда и не надо. Что-то я раньше не слышал о пьющих драконах. Наверняка, он вообще трезвенник.

– Вот, тут ты загнул. – Трёхглазый рассмеялся. – Был бы он трезвенником, он бы не бегал по лесам целыми днями. Ты для него, в самом деле, как входной билет. Денег-то у него отродясь не было, а в баре таких не любят. Вот он и расплачивается за выпивку заезжими артистами. Кстати, если ты ещё не понял, сегодня развлекать публику придётся тебе. И отказываться, я лично не советую. Съесть он тебя может и не съест, но покусать может.

– Ладно, допустим, я соглашусь, – снисходительно сказал Коля. – Хотя и не понимаю, что я должен делать.

– Об этом не беспокойся. Брак тебя всему научит.

– А, костюм? С ним-то как быть? Не могу же я ходить в

ЭТИХ ЛОХМОТЬЯХ.

Он потряс остатками своей одежды.

– Не волнуйся, – успокоил его толстяк. – Костюм я тебе подберу, ты его честно заработал.

Трехглазый полез в единственный шкаф, который стоял у него за спиной. Немного в нём порывшись, он извлёк оттуда огромную красную шляпу, полосатые штаны ещё более рваные, чем те, что были на Коле и клетчатую в двух местах прострелянную рубашу. Швырнув весь этот хлам Коле под ноги, он довольно улыбнулся.

– Что вы делаете? – Завопил тот. – Дракон сказал, что меня в моём рванье в бар не пустят, а вы мне подсовываете это.

– Ты, не суетись, одевайся, – твёрдо приказал толстяк. – Вот увидишь, всё будет хорошо. Тебе понравится.

Делать было нечего. И под его суровым взглядом Коля нарядился в маскарадный костюм, который был бы поднят на смех даже на утреннике младшей группы детского сада.

Если до посещения универмага он напоминал довольно опрятного, старавшегося подчеркнуть ещё оставшееся у него чувство собственного достоинства бомжа, то после он стал похож на профессиональное пугало, по неизвестным причинам покинувшее прежнее место работы и находящееся в поисках нового огорода, нуждающегося в его услугах.

В таком виде он вышел на улицу.

Увидев его, дракон расплылся в улыбке. Коле даже показалось, что от радости он завилял хвостом.

– Вот теперь совсем другое дело, теперь нам с тобой точно будут рады. – Сияя, прорычал он.

– Слушай, а тебя и вправду зовут Брак? – Хмуро спросил его Коля.

Счастье, которым минуту назад дракон буквально светился, бесследно исчезло.

– Кто это тебе сказал? – Прошипел он и устрашающе клацнул зубами. – Что трёхглазый проболтался?

Коля утвердительно кивнул головой.

– Ну, сколько раз ему говорить, что его дело смотреть и слушать, а не лезть, куда не надо, – запыхтел дракон. – Он же критик и всё, что от него требуется это вести себя строго и с достоинством.

– Не волнуйся, строгости у него хоть отбавляй. А достоинства лишних килограмм двести. Только ты не ответил на мой вопрос.

Дракон сплюнул на землю, спровоцировав этим миниатюрный пожар, от которого в панике побросав свою ношу, разбежался небольшой отряд рабочих муравьёв, и сквозь зубы процедил.

– Ну, да. Меня зовут Брак. Тебе от этого легче стало?

– Немного да. Значит, трёхглазый не соврал, и ты сидишь на диете. Следовательно, есть меня не будешь.

– Это мы ещё посмотрим. С диеты и слезть не долго, – проворчал Брак.

– Да, не расстраивайся ты так. – Коля миролюбиво под-

мигнул ему. – Всё будет нормально. Рассказывай, что надо делать. А, я уж постараюсь, чтобы тебе налили кружку дру- гую.

– Правда? – Оживился дракон.

– А ты кусаться не будешь?

– Не буду.

– Ладно, тогда пошли.

По пути Брак рассказал о правилах игры, в которой Коле предстояло принять участие.

– Ты про волшебника страны Оз слышал? – Неожиданно, спросил он.

– В детстве читал, – ответил Коля.

– Значит, должен помнить, что там был Мудрый Страши- ла – соломенное пугало с мозгами. Вот им-то ты и будешь.

– И, что я должен делать?

– Ничего сложного. – Брак беззаботно махнул лапой. – Те- бе будут задавать разные вопросы, а ты будешь на них отве- чать. Понравится твой ответ, нальют кружку мне, не понравится – тебе. Так, что ты уж постарайся не ударить лицом в грязь и об стол тоже.

– Тогда Расскажи, что им может, не понравится? – Попро- сил Коля. – Чтоб я не ляпнул что-нибудь лишнее. Я же мест- ных обычаев не знаю. Вдруг сокру что-нибудь, а меня раску- сят, что тогда?

– Ври, что хочешь, главное, чтоб красиво было. Но не пе- реборщи.

– Это, как?

Дракон на минуту задумался, а потом произнес:

– Вот, смотри. Спросят тебя, например: «Сколько звезд на небе»? Если ты скажешь, что столько же сколько волос в хвосте у осла, тебя тут же попросят их пересчитать, и все отговорки, что, мол, это долго и хлопотно, не пройдут. Тут у нас времени сколько хочешь. И, осёл терпеливый найдётся. Тебе ещё пять человек помогать вызовутся.

– Ну, и что мне тогда делать?

– Импровизируй, как перед трёхглазым, – хитро улыбнувшись, произнёс Брак. – Ты же как-то заставил его разоткровенничаться, а до тебя это немногим удавалось.

– Наверно, он почувствовал во мне родственную душу. У нас с ним профессии похожи.

– Так ты тоже продавец? – Изумился Дракон. – Значит, мне тебя учить нечему.

– Что значит нечему? – Возмутился Коля. – Если не ты, то кто меня научит?

– Учить тебя врать, всё равно, что учить птицу метко гадить на голову.

– Послушай, я сейчас очень плохо соображаю, ты же должен это понимать. Подскажи хоть что-нибудь, – взмолился Коля, но от Брака уже ничего нельзя было добиться.

Поняв, что толку с него не будет, Коля начал рассуждать сам с собой.

– Ну, допустим, их действительно интересует вопрос

«сколько звёзд на небе»? Что на это можно ответить? Во-первых, можно просто сказать десять тысяч. Всё равно сосчитать никто не сможет. Хотя, конечно, лучше выдумать число позаковыристее, например семнадцать тысяч пятьсот сорок шесть. Так будет гораздо правдоподобнее и живее.

– Это, как с ценами в магазинах, – усмехнулся он. – Если они представляют собой хаотичный набор цифр без нулей на конце, да ещё и с копейками в придачу, многие покупатели думают, что всё детально просчитано и обоснованно. Им и в голову не приходит, что эти числа в основном зависят от настроения одного или двух человек, как правило, не лишённых чувства юмора.

Дракон шёл рядом и смотрел на него с уважением, с каким вор карманник наблюдает за тем, как его коллега прямо посреди улицы с ювелирной точностью взрезает сумку почтенной матроны.

– Во-вторых, можно вернуть несколько научных терминов. – Эта идея показалась Коле довольно удачной. Он даже поднял вверх указательный палец и левую бровь. – Или приплести какие-нибудь громкие имена и сослаться на достоверные источники.

Из достоверных источников в его распоряжении были только школьный курс астрономии, который он весь проспал на задней парте и несколько виденных когда-то научно-фантастических фильмов. Тем не менее, некоторые имена всплыли в его памяти, и из этих обрывочных сведений он

попытался составить общую картину.

– Например: в первом гастрономическом... тьфу, астрономическом каталоге составленном Николаем Коперником... – он замотал головой, – нет, лучше Джордано Бруно (тогда можно сказать, что каталог сгорел вместе с создателем) насчитывалось всего одна тысяча семьсот пятьдесят восемь звёзд. В девятнадцатом веке людям было известно уже около семи тысяч, а, согласно последнему справочнику Громова-Сомова, включающему в себя квазары, белые карлики и чёрные дыры, обнаруженные с помощью новейшего радиотелескопа, построенного в пустыне Сахара, на небе их насчитывается несколько миллиардов.

Коля довольно присвистнул.

– Вот, интересно, побьют за это или нет?

– Тут уж, как повезёт, – ответил Брак. – Последнего Страшилу, который был полгода назад, гнали через всю деревню, да потом ещё до реки, где я тебя подобрал. И всё из-за того, что он оказался слишком умный. Ему задали простой вопрос: почему птицы летают, а люди нет? Вопрос же элементарный, а он начал какие-то формулы рисовать. Что-то про площадь крыла плести, про силы какие-то болтать. Вот ему силы и показали.

– Народ тогда сильно обиделся, и единогласно было решено, что раз веселье не удалось, так надо ему хотя бы морду набить, чтоб компенсировать моральный ущерб. И, компенсировали. – Дракон коротко рассмеялся. – Потом полночи

гуляли. Так раззадорились, что ещё стекла в нескольких домах повыбивали и два сарая сожгли.

– Спасибо, ты меня успокоил. – Коля слегка нахмурился.

– Да ты не волнуйся. Всё будет нормально, не волки же кругом.

– Кто бы говорил. Сам ещё недавно меня съесть собирался.

– Это я пошутил так. Мы драконы народ весёлый.

– Что значит пошутил? Пообещать съесть, это по-твоему шутка?

– Ну, да. Просто в каждой шутке есть доля правды.

– И сколько же правды было в твоей?

– Смотри, пришли уже. – Брак резко оборвал неудобный разговор.

Они стояли у двухэтажной хибары совсем без окон, и с одной единственной дверью. При виде этой постройки у Коли сразу возникла мысль, что это не дом, а мечта любого пожарного инспектора. Окон здесь не было совсем, а единственная дверь сильно покосилась, к тому же сверху из трубы валил густой чёрный дым. Изнутри доносилось гудение, больше всего напоминавшее пчелиный рой.

– Ну, что встал? Заходи. – Дракон слегка подтолкнул его к входу.

– Что-то мне туда уже не хочется. Может не надо?

– Надо, надо. Ты же мне обещал.

Коля тяжело вздохнул и взялся за ручку двери. Он приго-

товился к тому, что сейчас ему в нос ударит резкий запах табачного дыма и перегара, но воздух внутри оказался на удивление свежий, и даже как будто пах абрикосами.

Брак зашёл вслед за ним и, не щадя его напряженных нервов, изо всех сил хлопнул входной дверью. В ту же минуту со всех сторон к ним обернулись любопытные лица.

Публика здесь была весьма разношёрстная.

За ближайшим от входа столиком сидели рыжие голубоглазые двойняшки. Они без умолка болтали, но при этом каждая была уверена, что разговаривает с собственным отражением в зеркале. Недалеко от них расположилось почтенное семейство: отец с матерью и два сына. Кожа у них была фиолетовой, и остальные посетители старались держаться от них подальше, толи из глубокого уважения, толи из-за того, что они были обладателями на редкость ядовитых языков и не менее ядовитой слюны.

Странные люди с ушами вместо глаз заняли несколько столов возле стены слева. Они ничего не видели, но зато так хорошо слышали, что это нисколько не мешало им ориентироваться в пространстве. Рядом с ними сидели люди с глазами вместо ушей, которые видели всё и даже немножечко больше, чем нужно, за что и были много раз биты остальными жителями деревни. Обладая столь удивительным зрением, они считали уши бессмысленным пережитком прошлого, и поэтому слегка посмеивались над своими соседями, а когда кто-нибудь говорил о них что-нибудь нелицеприятное

или намекал на их глухоту, они тут же начинали кричать, что всё видят и не позволят над собой издеваться.

Около небольшой полукруглой сцены сидели люди с длинными пальцами, большие специалисты по подлёдному лову рыбы, а сразу за ними расположились люди с деревянными лицами – лучшие картёжники во всей округе.

Под потолком, зацепившись хвостами за деревянные балки, висели полосатые люди с большими оранжевыми глазами, постоянно думающие о своём положении в обществе и поэтому занимающие всегда самые высокие места. Они боязливо поглядывали на деревянных людей и ради забавы иногда кидали абрикосовые косточки в длиннопалых.

Неожиданно, все лица отвернулись от Коли потому, что в зале появился бармен. Одетый в блестящий сине-зелёный фрак и сильно походивший на волнистого попугайчика, он, запрыгнув на стойку бара, изо всех сил размахивал руками, привлекая к себе внимание.

– Добрый вечер дамы и господа! – Жизнерадостно прокричал он.

– Я приветствую всех, кто пришёл сегодня сюда! – Сложив руки наподобие рупора, он заорал ещё громче. – Сегодня нас всех ждёт незабываемый вечер. Мы станем свидетелями торжества мудрости, которая подойдёт вплотную к границам нашего понимания, а может быть даже и перешагнёт их, двигаясь семимильными шагами к победе разума над условностями, навязанными нам общественным мнением. И

если это случится, то нам с вами останется, лишь восхищаться мастерством заезжего оратора, пытаясь постичь скрытый смысл, таящийся за каждым его словом.

Он немного перевёл дух и продолжил.

— А теперь самое главное. Как всегда к вашим услугам наш бар. Здесь вы найдёте любые напитки от совершенно безобидных, до полностью умопомрачительных. Наши девочки обслуживают вас по первому разряду. Они угадают все ваши мысли и желания, и даже, если у вас таковых нет, не сомневайтесь, они придумают их за вас и исполнят в лучшем виде. Ну а, если они немножечко перестараяются, не вините их — это всё от чистого сердца. И помните, если у вас на столе, случайно оказалось то, что вы не заказывали, это ещё не повод не платить по счёту. Итак, мы начинаем! Оркестр! Тушь! Ура!!!

Старый патефон с помятой трубой заиграл бодрый марш. Пластинка была уже заезженной и пыль на ней часто хрустела. Почти сразу же она начала заикаться, и бармену пришлось помочь ей лёгким ударом ноги.

С первыми звуками музыки из двух дверей, находившихся по обе стороны от сцены, в зал высыпали официантки. Их было не меньше двадцати. Все они были невысокие и белокурые. А одинаковые бело-голубые блузки и удивительно короткие синие юбочки наводили на мысль о том, что над их образом поработал кто-то весьма не равнодушный к немецким традициям. У блузок были пышные рукава-фонарики, а

из десятка золотых пуговиц застёгнуто было не больше половины.

Наблюдая за тем, как они отработанным манёвром брали зал на abordаж, Коля к своему удивлению обнаружил, что в отличие от разношёрстных посетителей, это были самые обыкновенные девушки без каких-либо специфических украшений типа щупалец или ветвистых оленьих рогов. От них веяло чем-то домашним, близким и умиротворяющим. Коля засмотрелся на их быстрые точные движения и впал в состояние близкое к гипнотическому трансу. Его мысли, отпущенные на свободу, поплыли по течению, уносящему их всё дальше от берега строгой морали, и вскоре заплыли за буйки приличия.

«Вот бы расстегнуть им ещё несколько пуговиц...», – подумал он.

И тут, как молния среди ясного неба, его ударила мысль: «А, вдруг там жабры?»

Он замотал головой, отгоняя от себя кошмар.

«Нет, этого просто не может быть. Даже в самом безумном мире должны быть какие-то исключения, иначе он не будет таким уж безумным, и станет пусть немного, но всё же предсказуем в своём сумасшествии».

После того, как ажиотаж, вызванный появлением официанток, немного поутих, на Колю отовсюду стали устремляться вопросительные взгляды.

«Похоже, настал мой звёздный час», – с тоской подумал

он, и ему разу же мучительно захотелось выпить что-нибудь покрепче.

– А вот, и наш мудрый Страшила, – раздался жизнерадостный голос. На небольшой полукруглой сцене появился всё тот же бармен и в своей обычной манере истошно заорал.

– Давайте же все вместе попросим его подняться сюда и продемонстрировать своё искусство.

По залу прошёл шёпот: «Прежний страшила был упитаннее и в очках, а этот костлявый какой-то, и взгляд у него не слишком умный».

Коля сказал себе, что не будет обращать внимание на подобные замечания, но всё равно заметно покраснел. Поднявшись с места и сложив руки за спиной, он понуро поплелся к месту своего будущего позора.

Раздались жидкие аплодисменты.

Приветливо помахав залу рукой, он, словно, английский король на эшафот, гордо взошёл на сцену с твёрдой уверенностью, что голова это не самое главное в жизни.

– Поприветствуем нашего мудреца, мудрейшего из мудрых, – взвизгнул бармен и тут же растворился в полумраке.

Оставшись в полном одиночестве лицом к лицу со странноватой публикой, к тому же ослеплённый единственным направленным на него прожектором, удивительно точно бившим ему прямо в глаза, Коля так разволновался, что у него закружилась голова, и он чуть было не рухнул вниз на каменный пол. Чтобы удержать равновесие, он хотел было ухва-

титься за обычную в таких случаях микрофонную стойку, но её перед ним не оказалось. Покачнувшись, он неуклюже взмахнул руками в воздухе... И тут, как камень из рогатки из зала вылетел первый вопрос.

– Мудрый страшила, скажи, почему Луна не падает на землю, а всё ходит вокруг, да около? – Выкрикнул с места один из фиолетовых сорванцов.

– А ты бы хотел, чтоб она упала? – Не придумав ничего умнее, вопросом на вопрос ответил Коля.

– Ну, если она упадёт к нам во двор, то пускай, – вмешалась в разговор фиолетовая мамаша, – лишняя Луна в хозяйстве не помешает. А вот, если на двор к Сивам, то лучше бы ей висеть, где висит.

В другом конце зала длинная тощая женщина подскочила на месте.

– А чего это не к нам? – Завизжала она. – Пусть падает. Я двор чисто мету, ей у нас всяко лучше будет, чем у вас.

– Чем это лучше? – Презрительно бросила фиолетовая. – Вы её своими грязными руками вмиг залапаете.

– А вы криворукие её разобьёте, – в ответ выпалила тощая.

На секунду обе женщины умолкли, чтобы перевести дух, и тут же другой фиолетовый мальчишка прокричал:

– А если Луна упадёт, она разобьётся?

Теперь у Коли стало два вопроса, на которые надо было отвечать, и он решил разом убить двух зайцев.

– Я думаю, что разобьётся, – смело заявил он, – она же стеклянная, и внутри неё горит лампочка.

Осознав смысл только что сказанного, он счёл, что хуже уже не будет и продолжил развивать начатую тему.

– Но волноваться по этому поводу не стоит, потому что она надёжно прикручена длинными болтами к жестяной тележке, на которой ездит по небу. А тележка эта крепко стоит на толстых стальных рельсах, не боящихся никакого ветра и даже урагана.

«Если проглотят этот бред, значит, можно уже ничего не бояться», – подумал он. – «А, если нет, так хоть промучаюсь не долго».

По залу пронёсся вздох восторга, и несколько голосов почти синхронно произнесли: «Мудрый Страшила»!

Но триумф длился не долго. Неожиданно на один из столов вскочил карлик и заверещал во всё горло:

– Почему пиво разбавленное?

Вопрос этот, похоже, задел за живое многих, так как другие люди тоже повскакивали со своих мест и, перекрикивая друг друга, стали орать:

– Мы тоже хотим знать. Почему?

Коля расправил плечи и гордо оглядел зал. Он почувствовал себя на коне. Если ему удалось так лихо расправиться с первыми двумя вопросами, то уж с этим он разберётся в два счёта.

– Я думаю, – начал он немного снисходительным тоном,

– что лучше спросить об этом не меня, а хозяина бара.

Уверенный, что полностью контролирует ситуацию, он расслабился и уже открыл, было, рот, чтобы зевнуть, но всё тот же неугомонный карлик одним ударом отправил его в нокаут:

– Ну, нет. Ты – Страшила, ты и отвечай.

Самое ужасное было то, что хор голосов единодушно его поддержал.

– Правильно, пусть отвечает. Хозяин бара-то тут причём? Нечего на других валить.

Лицо бармена, сильно помрачневшее после столь неудачного Колиного выпада, сразу прояснилось, и на нём заиграла злорадная усмешка.

Поняв, что отвечать всё-таки придётся, Коля тяжело вздохнул и начал издалека.

– А вы уверены, что пиво разбавлено? – Спросил он карлика.

– Ещё бы, – выкрикнул тот в ответ. – Что я разбавленное пиво никогда не пил, что ли? Да, я его каждый день здесь пью.

– Но, если вы каждый день здесь пьёте разбавленное пиво и знаете об этом то, что вам тогда сейчас не нравится? – Коля недоумённо развёл руками.

– Мне всё нравится, – ответил карлик.

– Тогда в чём вопрос?

– Ты, что глухой? – Карлик сердито топнул ногой по столу.

– Повторяю ещё раз: почему пиво разбавленное?
– Потому, что его разбавили. – Тоже вышел из себя Коля.
– А почему его разбавили? – Продолжил издеваться карлик.

– Потому, что кто-то захотел вас надуть. – Это была месть бармену за ту мерзкую усмешку.

– Нас надуть? – Карлик почесал в затылке. – Разбавленным пивом?

Он неожиданно улыбнулся.

– Я не против того, чтобы меня надули разбавленным пивом. Я и сам собирался сегодня хорошенько им надуться. Здорово, что кто-то хочет мне помочь.

Он слез со стола, и весь зал загудел:

– Давайте все надуемся разбавленным пивом.

Между столиками снова замелькали одинаковые официантки с большими бокалами на подносах.

Для Коли наступила долгожданная передышка, но, как и всё хорошее она длилась недолго.

Высокий господин в чёрной шляпе, сидевший в полном одиночестве в самом тёмном углу и до этого не проявлявший никакого интереса к происходящему, неторопливо поднялся со своего места. Коле показалось, что он навис над залом, словно грозовая туча. Клубы дыма от его трубки замысловатыми кольцами поднимались к потолку и расплзались по нему словно синий туман. Было очевидно, что этот человек пользовался здесь большим уважением, а многим

внушал неподдельный страх. Как только он произнёс первое слово, воцарилась такая тишина, что стало слышно, как бармен пересчитывает деньги.

— Я хотел задать вопрос, который, наверняка, волнует всех здесь присутствующих. — Он заговорил очень медленно и тягуче, но слова его текли не как мёд, а скорее, как густое машинное масло.

Коля понял, что всё, что происходило до этого, было не больше, чем лёгкой разминкой перед решающим боем. Он так боялся пропустить хоть слово высокого господина, что вытянул вперёд шею и даже слегка привстал на цыпочки.

Видя, что полностью завладел вниманием аудитории, господин продолжил.

— Актуальность моего вопроса, я думаю, не вызовет ни у кого сомнения. И в тоже время суть его очень проста. Мне хотелось бы знать, можно ли будет называть воздушным змеем дракона, после того, как ему оторвут крылья, а потом, взяв за хвост и сильно раскрутив над головой, запустят в небо?

— Вопрос этот, с одной стороны, может показаться философским, или относящимся к области языкознания, но с другой стороны, в последнее время он получил острый резонанс в прессе и, я думаю, все присутствующие со мной согласятся, что с каждым днём он вызывает всё больший практический интерес в массах.

Коля заметил, как сидевший напротив него Брак нервно

заёрзал на стуле и тяжело засопел. Вопрос этот, похоже, был гораздо более практическим, чем это хотел показать господин в шляпе. Дракон это понял и испугался. Не было никаких сомнений в том, что они хорошо друг друга знали и не питали друг к другу нежных чувств.

У Коли появилась возможность поквитаться с Браком за те неприятные минуты, которые ему пришлось из-за него пережить, и он не упустил такой шанс. Придав своему лицу серьёзное, почти учёное выражение, он заговорил в той же витиеватой манере, что и высокий господин.

– Благодарю вас за интересный, поистине животрепещущий вопрос, – с хитрой улыбкой произнёс он. – Действительно, в наше время в связи с ситуацией сложившейся на ближнем, да что греха таить и дальнем востоке, подобные темы всё чаще и чаще начинают волновать простых граждан. Но вопрос этот сложный и разобраться в нём не так просто, как может показаться на первый взгляд. Однозначный ответ на него мы с вами сейчас вряд ли сможем найти, но всё же попытаемся чуть глубже проникнуть в его суть.

Он оглядел зал. Сотни глаз смотрели на него, как будто он был выдающимся гипнотизером, приказавшим всем присутствующим забыть о том, что они умеют моргать. Такому вниманию позавидовал бы любой лектор из университета, а оно растрачивалось, на его пустую болтовню, что само по себе было одновременно обидно и приятно.

– Мне кажется, что суть проблемы заключена не столько

в самом драконе, сколько во времени, а точнее в конкретных его моментах, сквозь которые он проходит и, которых, по моим наблюдениям, здесь четыре. Давайте, рассмотрим эти моменты подробнее.

Господин в шляпе одобрительно кивнул, и Коля продолжил.

– В первый момент, непосредственно перед началом эксперимента, мы имеем обычного дракона с ещё не оторванными крыльями. Его мы, безусловно, можем называть воздушным змеем. Это совсем просто и останавливаться на этом подробнее не имеет смысла.

– Во втором моменте ситуация становится немного интереснее. Теперь у дракона крылья оборваны, и некто, схватив за хвост, раскручивает его над головой.

– Но! – Коля резко вскинул руку с направленным вверх указательным пальцем. – Прошу вас обратить особое внимание на то, что дракон в этот момент приводится в движение посторонней силой, а такого дракона мы можем называть только «условно или потенциально воздушным змеем», так как крыльев у него уже нет, но потенциальная возможность подняться в воздух ещё остаётся.

– Третий момент самый важный и интригующий. Дракон уже достаточно хорошо раскручен, рука, держащая его, разжимается, и вот он устремляется ввысь!

Коля сделал широкий жест, как бы провожая взглядом улетающего невидимого дракона.

– Захватывающее, поистине волшебное зрелище. Сейчас он снова обретает статус воздушного змея. Он летит над землёй гордый и свободный, как никогда, и отсутствие у него крыльев не умаляет, а наоборот добавляет ценности этому полёту. Кроме того, его предстоящее неизбежное падение придаёт происходящему особый драматизм, от которого сжимается сердце и дрожь пробегает по телу.

Коля сделал трагическую паузу, после которой заговорил гораздо тише.

– И вот, наконец, мы подошли к последней, самой печальной стадии нашего исследования. Момент четвёртый – приземлившийся дракон. Совершенно очевидно, что такой дракон никак не может называться воздушным змеем, даже условно. Скорее это будет шмякнувшийся, грохнувшийся, а по прошествии времени, покрытый пылью и никому не нужный змей, не представляющий собой ни реальной, ни потенциальной ценности. На этом наш краткий обзор, касающийся данной проблемы, я думаю, можно завершить. И, если ни у кого больше нет вопросов, – Коля с надеждой посмотрел на высокого господина, – тогда я благодарю всех за внимание.

Он замолчал, но в зале никто не шевельнулся. Не было не аплодисментов, ни криков негодования. Все как будто бы застыли на своих местах.

«Похоже, что палку я всё-таки перегнул, и сейчас будут бить».

Он уже приготовился отражать атаку летящих помидоров,

но к немалому его удивлению, господин в шляпе улыбнулся и торжественно объявил:

– Слава мудрому Страшиле! Он дал достойный ответ, и я полностью удовлетворён. Эй, бармен, наполни кружку дракона, пусть порадуется жизни. Пока.

После этих слов Брак выдал такой вздох облегчения, что у тех, кто сидел перед ним попадали шляпы и слегка задымались волосы.

В зале снова поднялся ужасный шум. Все начали выкрикивать свои вопросы, и разобрать что-либо в этом гвалте стало практически невозможно.

Одна весьма упитанная женщина с огромными, почти слоновьими ушами, интересовалась, как ей вернуть сбежавшего мужа. Коля с трудом удержался от того, чтобы не порекомендовать ей, купить ушизакаточную машинку, но к счастью, в последний момент сдержался и ограничился тем, что дал ей рецепт отвара из лепестков подснежников, которые нужно было собрать непременно в конце сентября и высушить под палящим октябрьским солнцем. Отвар этот следовало принимать по одной столовой ложке три раза в день, стоя лицом на восток и ни в коем случае не думая о сбежавшем муже.

Когда вопросы закончились, и на Колю уже никто не обращал внимания, он устало присел на край сцены с кружкой честно заработанного пива в руках.

Мимо него прошли два вампира. Они уже изрядно насоса-

лись крови подвыпивших посетителей и в связи с этим сильно захмелели.

– Что-то мне кровь в голову ударила, – сказал один вампир.

– И мне, – ответил другой. – Крепкая сегодня, градусов двадцать.

– Не меньше. Может, повисим немного вниз головой?

– Не. Меня и так уже мутит.

– И то верно. Тогда ещё по одной?

– Давай. Ты кого предпочитаешь в это время суток?

– Я бы попробовал что-нибудь лёгкое не слишком выдержанное, например, блондинку или брюнетку лет двадцати пяти.

– Тогда давай поищем блондинку.

– Согласен. Брюнетки более терпкие, к тому же у меня от них изжога.

Они засмеялись и в обнимку зашагали дальше.

Было уже довольно поздно, и кабак больше напоминал поле боя, на котором легли многие храбрые воины, когда высокий господин, просидевший весь остаток вечера в своём углу, допив из огромной кружки последний глоток, оперся двумя руками о стол и с трудом поднялся на ноги. Надев свою шляпу, он, сильно пошатываясь, направился к выходу.

В это время дракон, раскачиваясь на стуле, рассказывал трёхглазому бородатый анекдот из жизни пресмыкающихся.

Когда высокий господин проходил мимо него, он, как раз

дошёл до кульминации в своём рассказе, и резко дёрнув хвостом, случайно сбил его с ног. С тихим ударом и громким проклятием господин рухнул на пол.

Все, кто ещё мог, повернули головы туда, где произошло это чрезвычайное происшествие, а тишина нависшая над залом, стала очень напоминать ту, что бывает лишь перед самой страшной бурей. И только окончательно захмелевшие вампиры продолжали громко спорить о достоинствах разных групп крови. Один утверждал, что третья по сравнению со второй имеет более насыщенный богатый вкус. Другой же не соглашался, уверяя, что вторая пусть и менее терпкая, зато букет у неё изысканнее, а послевкусие приятнее и тоньше. Сошлись на том, что какую бы кровь ты не пил с вечера, на утро лучше всего идёт первая, а вообще жаль, что не бывает нулёвочки.

Высокий господин с трудом поднялся на ноги и, бешено сверкая глазами, грозно пошёл на дракона, который съёжившись и мелко дрожа, поджал провинившийся хвост.

– Всё, мерзкая ящерица, пришло твоё время, – прогремел на весь кабак его хриплый голос.

Схватив одной рукой дракона за хвост и, не обращая внимания на попадавшие по пути столы и табуретки, он потащил его к дверям.

Брак не сделал ни единой попытки возмутиться, не попытался сопротивляться и только прикрыл голову лапами, чтоб не ударится обо что-нибудь твёрдое.

Вслед за ними из бара на улицу высыпали все, кто ещё мог ходить, и, конечно же, Коля, чувствуя, что вот-вот должно произойти что-то из ряда вон выходящее, поспешил к ним присоединиться.

Бросив дракона посреди пыльной дороги, господин в шляпе встал рядом с ним. Он широко расставил ноги и, возведя руки к небу, глубоким раскатистым голосом произнёс:

– Презренный червь, ты уже во второй раз наносишь мне оскорбление. Но, если в первый раз я был добр и в наказание собирался всего лишь оторвать тебе крылья, то теперь я не буду так милосерден. Я придумал для тебя пытку, которая будет куда страшнее, чем всё то, что ты можешь себе представить.

При этих его словах дракон перешел с мелкой дрожи на крупную и ещё больше поджал хвост.

– Сейчас я превращу тебя в человека – существо, противное тебе до самой глубины твоей пресмыкающейся душонки, которое ты презираешь больше, чем блох, живущих у тебя между чешуйками.

От одной ладони волшебника к другой пробежала молния.

– Готовься, – он грозно посмотрел на распростёртого у его ног дракона, – через минуту ты будешь ненавидеть себя больше, чем только что вылупившаяся бабочка гусеницу, которой совсем недавно она была. Всякий раз, глядя на себя в зеркало, ты будешь содрогаться от отвращения. И это ещё

не всё. Я сделаю так, что ты никогда не сможешь забыть о счастливых днях своей жизни, проведённых внутри чешуйчатого панциря. Каждую ночь ровно в два часа ты будешь превращаться обратно в дракона, но только на десять минут. Это будет беречь твою душевную рану, а заодно не давать тебе выспаться.

Он три раза хлопнул в ладоши, а потом произнёс длинное заклинание.

Коля внимательно вслушивался в слова, но запомнить ничего не смог. Вообще, ему показалось, что там было значительно больше ругательств в адрес дракона, чем магических формул.

Вдруг из рук волшебника вырвался тоненький ручеёк синего света, который обмотавшись вокруг Брака, словно конкон, полностью его окутал.

Боясь пропустить тот момент, когда произойдёт превращение,

Коля старался не моргать, но от напряжения его глаза стали слезиться. Лишь на секунду он прикрыл их, чтобы вытереть рукавом скопившуюся влагу, а когда открыл, то обнаружил, что на месте дракона в позе зародыша уже лежал мужчина, лет тридцати пяти и нервно подёргивал ногой.

Из одежды на нём ничего не было. Зато кожа у него была на удивление смуглая с лёгким рыжим отливом, а на голове чернел ёжик очень коротких прямых волос.

Превращение отняло у подвыпившего волшебника по-

следние силы. Слегка покачнувшись, он присел на землю рядом с бывшим драконом и панибратски положил руку ему на плечо.

– Ну, как первые впечатления в новой шкуре? – Дружески поинтересовался он у Брака.

– Холодно, – простучал зубами тот. – И, вообще, без чешуи чувствую себя голым.

– А ты и есть голый. Еле-еле сил хватило из тебя человека сделать. На одежду, извини, волшебства не осталось.

– Гад ты, всё-таки, – злобно огрызнулся Брак. – Выволок меня на середину улицы. Что не мог оттащить в сторонку? Как я теперь людям в глаза буду смотреть?

Волшебник пропустил его брюзжание мимо ушей. Он лишь оглядел своё творение и довольно улыбнулся.

– А, хорошо получилось! – Сказал он, потирая руки. – Ты совсем, как человек заговорил. Раньше тебе на всех плевать было, а теперь в глаза смотреть боишься.

– Так ты раздевайся и ложись рядом, – ехидно предложил Брак, – тогда поймёшь, каково это лежать голым посреди улицы.

– Тут ты, конечно, прав. – Волшебник слегка поморщился. – Неувязочка вышла. Ладно, брюки я тебе наколдую, но модные не обещаю, сил совсем мало осталось.

Он снова хлопнул три раза в ладоши, и тоненький лучик синего цвета опять стал опутывать Брака.

От напряжения пот выступил на лице волшебника, глаза

его стали огромными и над головой у него образовалась воздушная воронка, в которой тут же закружилась парочка зазевавшихся облаков, случайно оказавшихся поблизости. Молнии засверкали на потемневшем небе. Задул сильный ветер, пригибающий деревья к земле. Начался настоящий ураган. Люди спешно попрятались в укрытия, но вдруг руки волшебника дрогнули, и луч оборвался. А когда синий кокон, окутывавший Брака, рассеялся, все увидели, что вместо обещанных брюк на нем появились красные в цветочек шорты.

Со всех сторон послышались сдержанные смешки. Волшебник немного смутился.

– Я же говорил, что магии осталось немного. – Сделал он слабую попытку оправдаться. – Скажи спасибо, что хоть не трусы в горошек.

Брак поднялся с земли. Он с отвращением посмотрел на свои руки и брезгливо потрогал новую мягкую кожу. Нечеловеческий вопль вырвался из его человеческой груди.

– Проклятый волшебник, ты сделал из меня чудовище, – заорал он.

– А ты как думал? – Спокойно ответил тот. – Кто на прошлой неделе столкнул меня в сточную канаву, прямо в грязь, и даже не извинился, а сегодня у всех на глазах хвостом сбил с ног? Будь я простым человеком, я, может быть, тебя и простил бы. Конечно, потом подкараулил бы в тёмном переулке и переломал ноги, но исключительно в воспитательных целях. К сожалению, статус мне этого не позволяет. Если я

тебя отпущу просто так, мне другие волшебники житья не дадут, слабаком называть будут. Ещё чего доброго из братства исключат. Тебе этого не понять, но волшебник без братства, всё равно, что пустая бутылка – форма есть, а содержания нет. Мы все силу из одного источника черпаем. Стоит из братства уйти, как тебе тут же канал перекроют, и тогда всё, конец. Собственной магии не хватит даже на то, чтобы лампочку в прихожей поменять. А я своими руками по дому уже лет триста ничего не делал, так что мне без неё никак не обойтись.

– Да, что там лампочка. – Он хлопнул себя по колену. – Я в туалете, и то без магии не могу. Но это к делу уже не относится.

Он запнулся, почувствовав, что наговорил лишнее.

– Значит, ты без силы не можешь, а я без моей любимой чешуи могу. Так получается? – Разозлился Брак. – Чувствую себя ошипанным цыплёнком. Да, ещё и в шортах.

– Ты сам виноват, – взвизгнул волшебник. – Вести себя надо прилично, особенно с важными людьми.

– Вот, я тебя сейчас научу себя вести.

Брак хотел накинуться на него, но трёхглазый преградил ему путь и положил конец бесполезным пререканиям.

– Пошли ко мне в магазин, я дам тебе одежду, – сказал он и, заметив скептический взгляд бывшего дракона, добавил. – Не волнуйся, подберу что-нибудь получше, чем у этого пугала. – Толстяк кивнул головой в сторону Коли и добродуш-

но улыбнулся.

– Постой. – Брак попытался оттолкнуть трёхглазого, но это было всё равно, что толкать гору. – Мне ещё надо решить один вопрос с этим измождённым магом.

– Как мне обратно в дракона превратиться? – Крикнул он волшебнику.

– Никаких проблем, – уже успокоившись, ответил тот. – Иди, погуляй где-нибудь немного, а потом приходи. Расколдуем тебя, будешь лучше прежнего.

– Что значит «пойди, погуляй немного»? – Заволновался Брак.

– Ну, сходи на мир посмотри, себя покажи. Лет через двадцать возвращайся, тогда и поговорим.

Брак чуть не рухнул в обморок.

– Как двадцать лет? – Выдохнул он. – Пораньше-то нельзя?

– Нет, раньше не получится, – замотал головой волшебник. – Мне сил надо поднакопить, в отпуск съездить. Да к тому же, чтоб тебя расколдовать у меня желание такое должно возникнуть, без него ничего не выйдет. А оно раньше, чем через двадцать лет вряд ли появится.

Брак схватился за голову.

– Всё мне конец, – заскулил он. – В этой шкуре я двадцать лет не протяну. Она слишком тонкая. Любой дурак ножом ткнёт и всё: цветы, музыка и сотня пьяных гостей на похоронах.

– Ну, это вряд ли, – успокоил его трёхглазый. – Сто гостей никак не наберётся, от силы человек пять.

– Но может, есть какой-нибудь способ ускорить процесс? – Брак умоляюще посмотрел на волшебника. – Может, надо что-нибудь сделать. Например, сходить куда-нибудь, не знаю куда, принести что-нибудь, не знаю что.

– Идти «туда, не знаю куда» глупо. Забрёдёшь так, что потом не выйдешь, – рассудительно ответил волшебник. – Да и «то, не знаю что» мне тоже без надобности. Что я с ним делать буду? К нему, ведь, инструкция не прилагается.

В его глазах промелькнула озорная искорка.

– Но, одна идейка у меня всё-таки есть. – Он подошёл поближе к Браку и наклонился к самому его уху.

– У одного моего знакомого, тоже волшебника, – очень тихо начал он, – есть вещичка. Камень. Не драгоценный, но и необычный. Никто не знает, для чего он нужен, но знакомый этот им очень дорожит. Он никогда его никому не показывает и не рассказывает о нём. Я сам видел его только один раз в жизни, да и то лишь мельком, когда он вынес его из дома на свет. Что он хотел сделать я так и не узнал, потому что едва меня заметив, он тут же спрятал его за пазуху. Говорят, что этот камень достался ему от волшебниц Западных гор. Эти волшебницы давно исчезли, и никто не знает, куда они подевались. Но ходят легенды, что они обладали огромной магической силой и не обычной, а какой-то особенной.

– Отлично, – Брак сразу понял, к чему тот клонит. – Зна-

чит, ты предлагаешь мне сгонять к твоему знакомому, стащить у него камень и принести его тебе. Так?

– Ну, почему обязательно стащить. – Поморщился волшебник. – Можно же сказать по-другому. Например, достать или лучше добыть.

– А, если он меня поймает, что тогда? Мне даже страшно себе представить, что он со мной сделает, если застукает на воровстве.

– В лучшем случае превратит в прах. Но может и в сопли бегемота.

– Тогда, я уж лучше человеком останусь.

– Это, конечно, тебе решать, но задаром я тебя расколдовывать не стану.

Волшебник повернулся к нему спиной и демонстративно зашагал прочь.

На том они и разошлись. Трёхглазый и Брак отправились в магазин, чтобы подыскать, ему какую-нибудь одежду.

Коля чуть-чуть постоял в нерешительности и поплёлся за ними. Всё равно, идти ему было больше некуда.

Всю ночь Брак метался по универмагу, примеряя хлам, которого здесь оказалось в избытке. При этом ему не нравилось решительно всё. Одно было слишком широко, другое узко, то бессмысленно ярко, это угрюмо серо. В итоге, целую немалых усилий костюм был подобран. Выглядел он в нём почти, что франтом, правда, немного потрепанным, но не лишённым своеобразного шарма.

Когда он последний раз подошёл к зеркалу на нём были тёмно-тёмно-синие брюки клёш, поддерживаемые широким ремнём с огромной серебряной бляхой и белая сорочка свободного покроя, без которой не обходился ни один положительный, да и отрицательный герой всех без исключения фильмов про пиратов. Образ дополняли чёрные остроносые сапоги с металлическими побрякушками, висящими на тонких цепочках (одна цепочка была потеряна и «находчиво» заменена медной проволокой) и чёрный плащ-накидка, готовый взвиться, словно знамя при первом же порыве ветра.

Нарядившись этаким Зорро, Брак долго рассматривал своё отражение в зеркале. Периодически морщился, но в целом остался доволен.

Утром, едва продрав глаза, он отправился к волшебнику. Его не было часа три, и вернулся он в отвратительном настроении.

– Ну, как дела? – Спросил его Коля.

Брак его, как будто не услышал. Он где-то нашёл большой холщовый мешок и стал метаться по магазину, запихивая в него всё, что попадалось под руку.

– Ты, что решил помочь трёхглазому избавиться от всего этого барахла и отнести его на помойку? – Осведомился Коля, слегка удивлённый его поведением. Он плохо представлял, как должен себя вести дракон, совсем недавно превращённый в человека, но был уверен, что как-то иначе.

– Нет, – буркнул в ответ Брак. – Я уйду искать одного

чокнутого приятеля нашего волшебника, чтобы попытаться выпросить у него ценнейший булыжник.

– Ты всё-таки решился на это? – Удивился Коля.

– А куда деваться? Здесь мне оставаться, всё равно, нельзя. На меня тут многие зуб имеют.

– Ну, раз так. Тогда я пойду с тобой.

– Это ещё зачем?

– Мне здесь делать тоже нечего. Знакомых у меня нет. Тебя я лучше всех знаю. К тому же мне просто хочется прогуляться.

– Ладно, пошли. Но будешь путаться под ногами, брошу в лесу одного.

– И далеко нам идти?

– Судя по карте пару дней.

Три дня спустя они вышли на очередную опушку леса:

– Далеко ещё? – Устало спросил Коля.

– Если верить карте, то уже пришли, – ответил Брак, глядя в изрядно потрёпанный клочок бумаги. – Причём, ещё вчера. Что-то я не понимаю. Вроде всё в порядке, Солнце на востоке, север прямо, юг сзади, а я не вижу ни замка на вершине горы, ни маленькой деревни между горой и морем, о которой говорил этот проклятый маг.

– Я тоже их не вижу, – согласился Коля. – Морем здесь даже не пахнет.

Брак понюхал воздух и констатировал:

– Не пахнет.

– Что будем делать?

– Вернёмся немного назад и попробуем ещё раз.

Брак сунул карту в карман, и они зашагали туда, откуда пришли.

На следующий день, когда они пробирались сквозь страшный бурелом, Колю укусил гигантский комар. Это зловредное насекомое, удобно устроившись на плече, ткнулось хоботком ему в шею и ввело такую мощную анестезию, что у него начались галлюцинации, и ему стало казаться, будто он идёт не по глухой чаще неизвестно где, а по коридору родного офиса. Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждения, которыми ему в тот момент показались лес и Брак, он бодро побежал вниз по лестнице.

На площадке между этажами стояла толпа народа. Окна, как всегда были закрыты, но все курили, щурясь, чтобы разглядеть друг друга в густом дыму.

Коля по привычке глубоко вдохнул и задержал дыхание, чтобы не задохнуться на полпути до следующего этажа, но сделал он это слишком поздно. Ядовитый дым проник в его лёгкие. Он закашлялся, ища руками перила и, не нащупав их, скатился по ступенькам вниз.

Лёжа на холодном каменном полу, он вдруг услышал пронзительный визг их секретарши Леночки. Самым мерзким из набора своих отвратительных голосков, она выкрикивала его имя, требуя при этом какой-то отчёт. Он замахал руками, пытаясь отделаться от этого звука, проникавшего в

самый центр его мозга, разрушая его изнутри, и случайно сбил комара, всё ещё сидевшего у него на плече.

К тому времени комар уже походил на небольшой мячик малинового цвета с тоненькими прозрачными крылышками и торчащей из него длинной иглой.

Упав на землю, он так и остался лежать, едва шевеля лапами, и не предпринимая никаких попыток скрыться с места преступления.

Коля тоже лежал на земле. Голова его удобно расположилась на пирамидке кротовьей норы, а ноги заплелись так странно, как будто, разыгрывая пантомиму, он пытался изобразить штопор. Всё его тело болело, и глаза слипались.

Увидев, лежащего рядом с ним комара, он вспылал страстным желанием незамедлительно его чем-нибудь прихлопнуть, но в последний момент его остановила мысль, что наука не простит ему убийство такого удивительного экземпляра, и он отвёл, уже занесённую было руку. Конечно, оставить обидчика безнаказанным он не мог, и поэтому аккуратно переломал одну комариную ногу в двух местах и завязал на узел его тоненький хоботок. Почувствовав, что справедливость восторжествовала, Коля слабым голосом позвал Брака.

– Брак, дай посмотреть на карту.

– Ещё чего.

– Да, не съем я её.

– Это я тебя сейчас съем.

– Меня и так уже покусали.

Коля жалобно застонал и показал маленькую дырочку у себя на шее.

Брак глянул на него одним глазом и, оценив его состояние, как достаточно жалкое даже для человека, презрительно сморщился.

– Ладно, смотри, – снисходительно сказал он, и протянул ему помятый листок, чувствуя себя при этом величайшим благодетелем всех обиженных природой и социальным неравенством.

Едва взглянув на карту, Коля воскликнул.

– Ты же, держишь её вверх ногами!

– Почему вверх ногами? – Удивился Брак. – Я всегда её так держал...

Прошла неделя.

– Брак, как ты думаешь, долго нам ещё осталось? – Безнадёжно спросил Коля.

– Не знаю как нам, но тебе точно не долго, – зарычал на него бывший дракон. – Ещё один вопрос и...

Измученные и голодные они, наконец, вошли в город.

– Что-то, я не вижу здесь никакого города, – хмуро произнёс Брак, изучая карту.

– Я тоже не помню, чтоб на твоей карте были города, в основном там были леса и болота, – согласился с ним Коля.

– Интересно, как он называется?

– Давай у кого-нибудь спросим.

– Давай. Смотри кто-то идёт.

По другой стороне улицы шёл старик с длинной белой бородой, обмотанной вокруг его талии и служившей вместо пояса для халата.

Коля замахал руками и закричал.

– Скажите, уважаемый, как называется этот чудесный город?

– Так и называется, – крикнул в ответ старик.

– Город называется Так И? – Переспросил Брак. – Странное название.

Старик перешёл улицу и оказался рядом с ними. Его лицо было непривычно бледным, как будто намазанным мелом. Множество морщинок, словно солнечные лучи, расходилось вокруг глаз, и от этого возникало ощущение, что глаза светятся. Он был совсем не высокий и очень худой. Длинные седые волосы с лёгкой синевой спадали ниже плеч, и брови не сильно от них отставали так, что он заправил их за уши.

Его синий халат украшали странные узоры, находящиеся в дальнем родстве одновременно с арабскими цифрами и китайскими иероглифами, а на левой руке блестели массивные наручные часы стального цвета. Эта деталь плохо вязалась с остальным его обликом, но судя по всему, была для него привычной и само собой разумеющейся.

– Нет, вы не так поняли. – Старик пригладил бороду и весело на них посмотрел. – Город называется Чудесный. И вам крупно повезло, что вы здесь оказались. Его нет ни на

одной карте.

– Это мы заметили.

– А, кроме того, его нет вообще нигде, – загадочно добавил он.

– Как это? – Не понял Коля.

– А, вот так.

Подобрав халат, старик бесцеремонно уселся прямо на невысокий поребрик.

– Каждое место где-то находится, – заговорил он, глядя на них снизу вверх. – Обычно, мы об этом не задумываемся, но это действительно так. То, что я вам сейчас расскажу, может показаться странным и даже невозможным, но прошу вас, просто поверьте мне, всё равно ничего более убедительного вы ни от кого не услышите.

– Мы очень постараемся, вам поверить, – Коля произнёс это, как мог убедительнее, но старик только покачал головой.

– Сейчас мы с вами находимся в месте, которое называется Нигде, точнее оно никак не называется, но это слово наиболее точно отражает его сущность. – Он протяжно зевнул, тем самым давая понять, что рассказывает это не в первый раз и требовать от него захватывающего повествования совершенно бессмысленно.

– В самом начале вещей, когда ничего ещё не было, каждому вновь появившемуся месту приходилось самому искать для себя положение в реальном мире. Мир складывался из них, словно дом по кирпичикам, и когда каждый кирпичик

уже лежал на своём месте, неожиданно появилось Нигде. Естественно, приткнуться ему было уже некуда, вот, оно и осталось за пределами всего, что можно себе представить. Надеюсь, вы меня понимаете.

Последнюю фразу он произнёс так, что стало совершенно очевидно – ни на какое понимание он не рассчитывает.

Коля подумал, что старик их просто разыгрывает и решил ответить ему тем же.

– Как вам сказать, не то чтобы совсем не понимаем... Мне только не совсем ясно, мы сейчас где-то есть, или нас нигде нет?

– Вы сейчас нигде есть, – спокойно ответил старик.

– А, теперь понятно. – Коля кивнул головой, про себя подумав, что количество сумасшедших, попадающихся ему на пути за последнее время, настолько возросло, что если так пойдёт и дальше, то встреча с нормальным человеком будет удивлять его больше, чем встреча с говорящим бульдогом.

– И, как же мы сюда попали? – С сарказмом поинтересовался он.

– А, никак. – Старичок посмотрел на него своими удивительно ясными глазами, в которых ясно читалось сочувствие и может даже сожаление, что такие простые вещи приходится объяснять взрослым людям. – Сюда попасть нельзя никак.

– Но ведь, мы же здесь.

– Это вовсе не значит, что вы сюда как-то попали.

– Тогда, как нам отсюда выбраться?

– Точно так же: никак.

– Вы, что предлагаете нам остаться здесь навсегда? – Коле этот бессмысленный разговор начал надоедать.

– Я вам ничего не предлагаю, – оборвал его старик, – а, уж о навсегда и речи быть не может. Вы сюда никак попали, никак и выбирайтесь.

Он резко повернулся к ним спиной и пошёл вниз по улице.

– Пора отсюда сматываться. Ещё минута и я сойду с ума.

Коля обернулся к Браку. Тот стоял бледный и никак не отреагировал на его слова.

– Что с тобой? Ты, что заболел? На солнышке перегрелся?

Сказав это, он взглянул наверх и остолбенел. Солнца над ними не было. Не было неба, не было облаков, не было совсем ничего, и у этого ничего не было цвета, ни голубого, ни серого, ни черного. Сейчас Коля был бы рад оказаться хоть под зелёным небом, но только не под никаким. Впервые в жизни он смотрел вверх, не видя совсем ничего, и от этого зрелища мурашки бегали у него по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.